

К. НОСИЛОВ

Тобольский чародей¹

На днях в гор[оде] Тюмени прихожу на пристань и вижу торжественные, необычные для такого глухого города проводы кого-то на пароходе. Полиция во всем составе, начальство разное, масса разодетых дам и того более любопытных. Спрашиваю. Отвечают: «Распутин в свое Покровское отправляется... прибыл из Петербурга». Между рабочими, простонародьем, глазеющим на проводы, разговоры. «Григорий Ефимович-то ныне как!.. Что, ребята, он в большом ныне почете. Видишь, начальства сколько собралось на проводы, все кланяются, целуют ему ручки!..». — «Что, говорит, сказывают к самим вельможам по утрам в халате ходит!». — «Смотри, смотри, каких вывез опять мамзелей — в шелку и бархате. Вот жисть!» Раздался последний свисток; пароход медленно начал отчаливать; на пристани замелькали белые платочки, и на мостике выделился из толпы сопровождающих небольшой человек, в виде какого-то подмастерья несчастного, с бородой клинышком, с волосами в скобку, и стал, как вельможа, раскланиваться и посылать улыбки. Вчера вечером мы плывем мимо села Покровского — родины Распутина. Белый, каменный, красивый храм, все село — самое обычное сибирское село видно на пригорочке, благодаря страшному наводнению, как на ладони, и мне показывают дом Распутина. Обычный домик расторговавшегося деревенского кулака, на три окна в одну сторону, — раскрашенный аляповатым образом, с крыльцом-мезанином. При этом поясняют. «Всего два года купил, за две тысячи. Старый дом, где жил еще, стоит посейчас избеночкой. Там кто-то помещается, чуть ли не отец Распутина в старом домишке». «Живет справнеющим образом. Питерцы его сильно поддерживают. Говорят, обзавелся уже домишком и в Петербурге». Кто-то перебива-

¹ Печатается по: Вечернее время. 1914. 19 июня (2 июля). № 793. Четверг. С. 3.

ет: «Что домишком, прямо, говорят, дворец на набережной Невы!» Спрашиваю, что делает Распутин, чем занимается на родине. Отвечают: «Да ничего не делает, только гостей да гостыюшек принимает. Народу ездит к нему тьма. Все богатые. Только и видно: то того, то другого встречает и провожает. Да еще утром да вечером прогуливается по селу. Туда пойдет — там у него матушка, в черном, такая прехорошенькая, молоденькая, в другой дом пойдет — там еще краше... Как сыр в масле катается. Прямо угодник. Живым еще попал во святость, так его здесь все и величают.

Расспрашиваю про прошлое Распутина. «Некорыстное, да, что говорить — прямо нехорошее было его прошлое, — был он просто пьянчужкой-мужичонком, и при том такой выдумщик, такой озорник, что общество было ему прямо не радо. Кто валяется на назьме — Гришка Распутин. Кто что напрокудил, — указывают на первого на него. Кто что-нибудь выкинул — Гришка. Так и имени ему не было, кроме как Гришка. Вечно сопливый такой, вечно с своею вонявою трубкою в зубищах, вечно в каких-то опорках. Как вдруг человек перестал наш пить; как вдруг Гриша что-то стал так задумываться. Даже в кабаке стало его не видно! “Где Гришка?”. Сказывают, “образумился, книжки читает”. На, смотрим, в селе стал босиком разгуливать, напялил на себя какой-то не то подрясничек, не то армячишко, и ну по монастырям, и ну по монастырям. Так босиком и ходит! Бегал, бегал он по монастырям, сначала в Верхотурье сходил, — тут недалеко, — потом далее и вдруг объявился “угодником”, — кому-то угодил в самом Петербурге! Ну, с того времени и пошел и пошел. Что ни год — наш “Гришка” в гору, и уж не стали звать его “Гришкою”, а величают “Григорий Ефимович”. Теперь в капитале!». Любопытствую, как относятся к этому его земляки-крестьяне. «Да как относятся. Никак не “относятся”, потому что он их не заденет. Мало ли чем господа не занимаются, до этого нам, крестьянам, какое дело? Морочит Распутин одних господ, кого больше и морочить ему выгоднее, а с крестьянина что он возьмет, еще ему, Распутину, дадут в зубы. У нас насчет чародейства этого ныне строго, но то, что в старое время, когда людей и в деревнях морочили разные ворожеи и чародеи. В селе только посмеиваются, что проделывает с господами Распутин. Со стороны-то видать, а близко-то незаметно. Только и разница в том, что ранее его звали в селе Покровском “Гришкою”, а ныне величают “Григорием Ефимовичем”, потому что кой-кому и перепадает...»

Расспрашиваю относительно «чародейства» Распутина. Как-то теряются; но из толпы один старичок по-своему и с уверенностью это объясняет:

— Тут не иначе, господин, как чародейство, — настоящее чародейство, которого было довольно в нашей местности еще недавно. Глушь! Начальства тебе никакого! Попы тоже бездействовали. Тут у нас хлыстов этих, немоляков, бантистов, сектантов разных — хоть отбавляй и теперь. Бог это знает — откуда они взялись и понаехали, думаем так, что больше из Расеи. Это вы бы послушали, какие разговоры о вере в народе, просто нашему брату православному страшно бывает слушать! И чёрт их разберет — кто у них прав, кто виноват, а по-нашему всех бы их отсюда метлою! Исстари тут это завелось и исстари тут это ведется. Да, видно, что этого мало стало людям, — стали чёрту самому продавать люди душу. Продаст человек душу свою чёрту на время и давай “морочить”. Такие штуки, золотой мой, если бы ты только знал, проделывали в старое время эти чародеи, что мерзко видеть! Вот и Гришка, никак мы думаем, душу чёрту продал, потому иначе как бы он — человек крещеный — притом стал заниматься чародейством? Здесь-то он не смеет в народе чародействовать, морочить: ныне не старое время, народ стал бойкий и смышленный, недоверчивый, вот и нашел себе людей подальше. На своем веку я видал, золотой мой, немало этих, вроде Гришки, чародеев. Один был даже тут около самой нашей Тюмени. Такие штуки выкидывал, что общество ему уж не радо стало — с бабами не могут справиться, как к нему полезли! С неделю мучился. Начнет это его вить, скрутит всего не то в веревочку, пена это у него клубом изо рта, визжит и хрюкает по-свининому, а никак не пропадает. Ровно вот совсем уже окочурился. Обрадуются все, на лавку его под образа бедного положат, под иконы, — он очнется. И опять это его крутит. И опять это его бесы начинают перед смертью мучить.

Что, золотой мой, было! В гроб его уже уложили, в церковь повезли, а он дорогою, в лесу это, как выскочит из гроба и давай бегать за народом! Просто из ума вывел людей, общество уж само занялось, чтоб его в землю это поскорее хоть силой; но и общество ничего не может сделать — так воют.

Дошло дело до того, что общество нарочного послало в одну деревню тоже за чародеем “знающим”. Приехал чародей, осмотрел его и потребовал две бутылки с водою. Нашептывал он на них целый день, прыскал из них на чародея довольно, потом приказал вылить на середину нашей реки. Вылили обе бутылки воды в реку, и что же, золотой мой, очудилось? На реке остров образовался на глазах людей, и остров этот только недавно еще смыло водою. Не веришь — спроси всю деревню. Только чародей этот выписной и успокоил общество — уложили в гроб «угодника» и зарыли в землю. Вот тоже и Гришка. Не иначе, мы думаем, чёрту душу продал. Вот погоди, выйдет срок, еще наскачетесь

вы в Петербурге с таким покойничком, как начнет его сатана требовать к себе за все его дела в преисподнюю! Присматриваемся мы к нему, и нам кажется, что срок его уже приходит. — Попивать стал, зимой с девицами его пьяным видели. Это не к добру! Значит, слышит он свою кончину. Дьявол тоже не дает долго “морочить” людей и требует за это человеческую душу. Ну, побаловал там, помутил людей, ведь есть и несчастные, долго ли человека с ума свести, и довольно!

Ой-ой, как надо остерегаться таких людей, а тут к нему лезут. Известно — лезут больше женщин, они на это страсть как любопытны, но лезут и хорошие, как видно, господа. Вот помни мои слова, господин, скоро это все кончится, как сказал я — так и будет».

Он закончил.

Мы давно уже проехали село Покровское, был тихий летний, светлый вечер; северная заря — такая ярко-бирюзовая — встала уже на горизонте, а село Покровское тонуло позади в дымке тумана вечернего, как потонет все на этом свете, даже — самое теперь необъяснимое, таинственное.

Гор[од] Тобольск, 12 июня

